

БАЛКАНЫ: ВРЕМЯ И ТЕКСТ

В исследованиях, посвященных языковому единству Балканского региона, в последние годы – немного по количеству, но достаточно по интенсивности – начинает возникать тема просодических схождений, не только в диахронии (эта проблематика еще как-то присутствовала), но и на уровне синхронии. Первыми о "балканизме" на просодическом уровне заговорили И. Лехисте и П. Ивич, в течение долгих лет занимавшиеся экспериментальным изучением сербохорватских акцентов (Lehiste, Ivić 1980). Продолжали выходить фундаментальные монографии по отдельным языкам Балкан: А. Ботиниса – о новогреческом, А. Мишевой – о болгарской интонации, работы Л. Дэскалу – по румынской интонации и др. Но в полном объеме эти вопросы были поставлены в трудах Ирены Савицкой, с достижениями которой балканистам уже нельзя не считаться (см. в особенности Sawicka 1987; Sawicka 1986; Perlin, Sawicka 1991).

Вместе с тем обсуждение вопроса о балканских схождениях обычно до сих пор не покидало уровня сегментной фонетики или, точнее, занималось суперсегментными характеристиками в связи с сегментным их наполнением. Между тем просодическая система сама по себе может быть объектом типологических штудий. Прежде всего просодические системы, как известно, многомерны и включают характеристики как значимые (то, что принято называть ИНТОНАЦИЕЙ), так и ингерентные показатели суперсегментных единиц данного языка. В нашей монографии "Просодия Балкан" (Николаева, 1994) мы постарались рассмотреть максимальную по экспериментальным возможностям палитру просодических характе-

ристик шести балканских языков: болгарского, македонского, сербохорватского, новогреческого, албанского, румынского; в опубликованных работах (!Николаева 1993а; 1993б; Николаева 1994) обсуждались вопросы о звучании балканского стиха и о временных характеристиках – средних звучаниях речевых единиц по балканскому региону. Между тем не является нецелесообразным остановиться еще на одном аспекте возможных схождений или расхождений в типологическом плане – на просодической реализации однотипно устроенных текстов.

В настоящей работе мы будем анализировать лишь данные по одной из характеристик текста – темпоральной (т.е. и мелодика, и интенсивность окажутся вне рассмотрения). Причина этого не только в сознательном самоограничении, но и в глубокой убежденности в том, что именно временные показатели: изменение темпа, разбиение текста на более мелкие единицы, замедленное произношение одних единиц и убыстренное – других, временные феномены перехода от мелких единиц к крупным и т.д. и создали человеческую речь в ее современном виде. Иначе говоря, овладевать временем в своей речи человек учился очень долго (есть сведения о том, что первые *Homo Sapiens* могли говорить примерно в семь раз медленнее), поскольку это есть по сути грандиозная победа над равнопротеканием физического времени. Как мы надеемся, историческая просодия продемонстрирует, что именно временные программы развивающейся речи диктовали все "падения", "компенсаторные продления", фонотактические феномены и даже собственно синтаксические дистрибутивные модели.

Темпоральные характеристики в общем плане можно разделить на три группы: абсолютные показатели, усредненные характеристики и структурные модели. Все три группы могут – при экспериментальном подходе – привести к достаточно интересным результатам.

Эти три группы признаков могут быть приложимы и к текстам. Кроме того, именно тексты открывают возможность нового подхода к изучению лингвоментальных особенностей в их индивидуальном воплощении. А именно – более двадцати лет назад (Николева 1973) нами была проделана экспериментальная работа по выявлению соотношения общего//индивидуального в интерпретации текста

через его просодическое воплощение при чтении. Оказалось, что в текстах есть зоны жесткой смысловой заданности (все читают одинаково и одинаково членят) и зоны свободного варьирования. Дикторское по-языковое совпадение в этом плане сказало бы кое-что и о лингвоментальном механизме.

Какие типы текстов были выбраны?

Это: текст "беллетристического" характера; сказка; народный стих. По объему все три текста не превышали одной страницы печатного издания; стихотворный текст составлял примерно 28-30 строк. Все тексты отбирались мною лично после предварительных консультаций со специалистами в области данной литературы и/или фольклора. Информанты-носители языка были как правило сами филологами (кроме албанцев, которые были дикторами российского радио, албанцами по происхождению и вещавшими на Албанию). Информантами также обсуждались эти тексты, возможны были замены предложенных текстов на нечто иное – по предложению информанта. Затем – после прочтения текстов каждым информантом в специальной камере записывания – прочтение обсуждалось на предмет того, достаточно ли естественно этот текст звучит. Наибольшие требования предъявлялись к сказке. Диктору предлагалась конкретная сказка, но он должен был ее исполнить, "как бы рассказывая своим детям".

Прежде чем приступить к обсуждению конкретных результатов, необходимо остановиться на двух вопросах принципиально методического и – собственно – теоретического характера. Первое, к рассмотрению не были привлечены данные живой разговорной речи. Это было сделано по причинам практического характера. Для сопоставительных исследований БЯС нужно было фиксировать спонтанную беседу носителей языка примерно на одну тему и в рамках одного разговорного стиля. Чисто физически это нереально; беседа же в условиях лаборатории искусственна, а тем самым разговорная речь лишается своей основной характеристики – непринужденности.

Кроме того, желая реабилитировать интонацию читаемого текста и интонацию кодифицированного литературного языка, мы хотим подчеркнуть, в соответствии с разделяемой нами теорией язы-

ковой эволюции, что эти формы интонации являются наиболее законченным, отшлифованным плодом многовекового отбора адекватных для смысловых моделей интонационных форм и конструкций.

Вторая группа проблем связана с соблазном реконструировать более древние просодические модели по данным, казалось бы, более архаических текстов. У А.С. Грибоедова в "Горе от ума" мы читаем указание Фамусова: "Не как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой". Нельзя не восхититься Грибоедовым: в этих словах заложены основы кодифицированной интонации: 1) правильное смысловое разбиение на речевые такты-синтагмы ("с расстановкой"), 2) верное определение места основных акцентных подчеркиваний ("с толком"), выразительная передача должной эмоциональной окрашенности ("с чувством"). Но в словах Фамусова мы находим еще одно небезынттересное указание: "не как пономарь". Но почему пономарь читает текст без всех этих интонационных характеристик? Потому ли, что он не понимает текста, который ему уже чужд по смыслу, или, что более интересно эвристически, он передает по традиции некую более старую интонационную модель, которая таким образом может быть выявлена? Вступить на второй путь очень соблазнительно и методически опасно. Здесь возникает угроза а принять жанровую традицию за языковую.

Реконструкция древнейшей системы, по нашему мнению, может опираться только на комплексные решения, неотделимые от диахронических феноменов сегментной фонетики, через которые просодия также может верифицироваться.

Естественно, что высказанные соображения в первую очередь применимы к анализу просодии сказки. Исполнение сказки, действительно, совпадает у многих народов. Вот, например, основные черты просодии литовской сказки, описанные Л. Саука (Саука 1977). Это: замедленный темп исполнения, яркие акценты – сначала на новых объектах, вводимых в действие, потом на глаголах – показателях действия. В начале эпизодов рассказ замедляется, внутри же предложений обнаруживаются ускорения темпа согласно действующему закону выравнивания фраз по правилу их изохронии. В наиболее значительных местах голос повышается, но вообще высокий регистр и резкие мелодические перепады встречаются довольно редко.

Все сказанное приложимо и к нашему балканскому материалу. Такое внешнее совпадение интонации сказки у разных народов привело к первоначально поставленной идее о том, что древнее состояние языковой просодии можно, хотя бы для группы языков, реконструировать через просодию сказки, поскольку рассказывание сказки имеет непрерывную традицию, а манера этого исполнения относительно сходна у всех носителей языка. Однако эта первоначальная гипотеза, которая как бы подтвердилась, на самом деле может быть оспорена следующим образом: можно также утверждать, что именно такой тип просодии характерен лишь для определенного текста – сказки и в этом своем качестве он восходит именно к сказке, не экстраполируясь на другие виды текста, также относящиеся к древности.

Это же относится и к другому виду текста – народному стиху, который в свою очередь не может быть единственной опорой просодической реконструкции. Интересно то, что, как будет видно далее, просодия сказки и народного стиха не совпадают и видимо восходят к разным исходным моделям.

Приведем примеры анализировавшихся текстов.

Начало сербской сказки (Српске народне приповјетке Вук Караџић. Беч, 1853, стр. 13):

У некаква човека био један чобан који га је много година верно и поштено служио. Једном иду и за овцама чује у шуми неку писку, а не знадијаше шта је. На тај глас отиде он у шуму да види шта је. Кад тамо, али се запожарило па у пожару змија пишти. Кад чобан то види, стане да гледа шта ће змија радити, јер се око ње са свију страна било запожарило, и пожар се једнако к њој примицао. Онда змија повиче из пожара: "Чобане, за Бога, избави ме из ове ватре!". Онда јој чобан пружи свој штап преко ватре, а она по штапу изађе, па њему на руку, па по руци домили до врата и савије му се око врата. Кад чобан то види, нађе се у чуду, па рече змији: "Шта је то, у зао час! Ја тебе избавих а себе погубих". Змија му одговори: "Не бој се ништа, него ме носи кући моме оцу. Мој је отац змијињ и цар"...

Отрывок из македонского текста (Живко Чинго. Орден.//Македонски, раскази. Скопје, 1979, стр. 262):

...Но, таа, Итрина, г'авол нека ја однесе, како да не сакаше да знае за сето тоа – јас еднаш погледнувам кон неа, а таа трипати. Јас се муртам, а таа се смешка толку благо и толку топло и ме гледа точно в очи. Пропаст. Таа уште и со прст се заканува и полека се приближува кон мене. Вистинска пропаст, помислувам отстапувајќи во темниот агол на црквата. Заборавам за директивите и со најтивок глас ги молам светците да ме избават од тоа проклето момичиште..."

В качестве образца румынского народного стиха была выбрана последовательность из 31 строки стихотворной баллады "Miorita", проанализированной в последнее время как в глубинносемантическом аспекте (Пивьян 1990), так и в аспекте чисто стихотворном – М.Л. Гаспаров считает ее типичным примером румынской народной силлабики (Гаспаров 1999, стр. 238). Приведем, в целях дальнейшего изложения результатов, все читавшиеся 31 строки:

Pe-un picior de plai,
Pe-o gură de rai,
Iată vin în cale,
Se cobor la vale
Trei turme de miei
Cu trei ciobănei.
Unu-i moldovan,
Unu-i ungurean
Și unu-i vrîncean....
Mări, se vorbiră
Ei se sfătuiră
Pe l-apus de soare
Ca să mi-l omoare
Pe cel moldovan
Că-i mai ortoman,
Ș-are oi mai multe
Mîndre și cornute,
Și cai învățați
Și cîni mai bărbați!...

...—Mioriță laie,
 Laie, bucalaie,
 De trei zile-ncoace
 Gura nu-ți mai tace!
 Ori iarba nu-ți place,
 Ori esti bolnăvioară,
 Drăguță mioară?"
 "—Drăguțule bace!
 Dă-ți oile-ncoace
 La negru zăvoi
 Că-i iarbă de noi
 Și umbră de voi".

Итак, первая группа темпоральных характеристик — это усредненные показатели. Таких характеристик было две: средняя продолжительность речевых единиц (тактов) и средняя продолжительность звука в каждом виде текста.

Средние продолжительности речевых единиц:

	Текст худ.	Сказка	Стих
Сербохорватский	1355,67	1119,47	1656,2
Македонский	1175,54	1035,93	1458,14
Болгарский	2149,44	1866,9	1673,79
Греческий	1416,46	1326,55	2408,03
Албанский	1257,38	1121,03	2039,44
Румынский	1976,3	1864,77	1148,75

Примечания:

1 Все цифровые данные приводятся в миллисекундах; подсчет осуществлялся до сотых долей миллисекунды.

2 Для стиха учитывалась продолжительность уже заданной строки, поэтому в данном случае результаты по стиху не соотносятся в одном ряду с данными сказки и текста. Румынский же стих "Миорица" (см. выше в цифрах) сам по себе очень краток — от 12 до 16 звуков и поэтому его длительность не может быть ооольшой.

Итак, во всех балканских языках с абсолютной закономерностью прослеживается боольшая протяженность речевых единиц художественного текста в сравнении с тем же показателем в сказке.

Иначе говоря, сказка членится на более мелкие отрезки речи и паузы таким образом в ней чаще. Это соответствует общим закономерностям членения разговорной речи вообще (см. Розанова), однако нашей задачей было выявление в балканском регионе универсальных характеристик, хотя бы даже и предсказуемых.

Вернемся в этом плане к данным стиха. Выше приводились суммированные данные по стихотворной строке в целом; в реальном же чтении цезуры (или паузы) разделяли, как правило, строку на две части. Поэтому интересно было проследить по языкам соотношение между первой (до-цезурной) и второй частями строки, выявив сначала их усредненную длительность.

Строка

	Первая часть	Вторая часть	Отношение
Сербохорватский	677,3	1064	0,63
Македонский	767,1	758	1,01
Болгарский	860	860	1
Греческий	1225,75	1171,87	1,04
Албанский	957,3	991,4	0,96

Таким образом (за исключением сербохорватских данных), стиховые показатели несомненно обнаруживают тенденцию к равной протяженности обеих половин стихотворной строки. К этому явлению мы еще вернемся в связи с обнаруженной тенденцией к "бинарной изохронии".

Вторая группа усредненных показателей – это данные о средней продолжительности звука по жанрам текста. Данные приводятся также в мсек.:

	Текст	Сказка	Стих
Сербохорватский	72,56	76,67	81,48
Македонский	75,23	76,01	82,48
Болгарский	77,09	81,89	90,69
Греческий	61,25	67,48	70,25
Албанский	97,01	114,94	129,83
Румынский	73,22	74,05	87,42

И эти данные с абсолютной убедительностью говорят о существовании прямой корреляции между типом текста и средней продолжительностью звука, иначе говоря, скоростью текста. А именно – художественный текст читается быстрее, чем сказка, а оба они – быстрее, чем строки народного стиха. Получается интересная корреляция между размером речевой единицы и скоростью звуков внутри этой единицы. Художественный текст членится на более крупные единицы, внутри которых скорость – по жанрам – максимальная; о сказке же можно говорить прямо противоположные вещи. Согласуется ли это с идеей эволюции, поскольку в любом случае жанр сказки явно древнее? Да, как мы считаем, потому что, судя по этим данным, художественный текст планируется при его исполнении по более крупным единицам речевого высказывания, внутри него намечается более сложная программа. С другой стороны, очевидно также, что сохраняется на каком-то уровне речепрограммирования тенденция к изохронности речевых единиц как таковых, поскольку маленькая скорость x длинную единицу примерно = большой скорости x меньшую единицу.

Переходим ко второй группе показателей – абсолютным цифровым данным, которые – неожиданно для нас – оказались интересными. Более подробно они излагаются в нашей работе (Николаева 1993а и Николаева 1993б), поэтому позволим себе сообщить о них в двух словах.

Выявились – по дикторам, по языкам и по жанрам – как бы "излюбленные" абсолютные показатели. Это относится к средней продолжительности звука, к величине ударного гласного, к величине заударного и т.д. Нами было высказано предположение, что эти абсолютные совпадения объясняются особенностями речевой коммуникации именно на Балканах, когда довольно часто встречаются коммуниканты, говорящие не только на разных языках, но и на очень близких языках, например, болгарский и румынский, сербохорватский и новогреческий. При этом все участники коммуникации "имеют право" не слишком хорошо знать язык соседа и тем самым коммуникация все время должна быть рассчитана на восприятие "чужого", при том, что ни один язык в данном случае не является ни типологически, ни социально подавляющим, как, например, английский. В этой ситуации временные абсолютные (равные по языкам!) показатели, например, ударного гласного как пред-

ставляется, могут играть и играют роль своеобразных индикаторов, сигналов "настройки" на чужое слово. К этому же можно отнести и то обстоятельство, на котором мы останавливались в указанных ранее наших публикациях, а именно – то, что слово в языках Балкан очень мало модифицируется в тексте, сохраняя свои акцентные и временные показатели. Это специально проверялось на другом материале, где в разных фразовых позициях и при разной синтаксической нагрузке произносились специально подобранные слова, вначале произнесенные изолированно. Это по-словное произнесение тоже может служить знаком коммуникативной установки на "соседа".

Однако при выявлении абсолютных показателей нельзя пройти мимо того неожиданного результата, согласно которому во многих случаях просодия слова демонстрировала три временных характеристики гласного: 120 мсек., 100 мсек и 80 мсек. Эти три показателя чаще всего имели следующую дистрибуцию: 120 мсек – для ударного, 100 мсек – для ударного или безударного, 80 мсек – для безударного. Но в ряде случаев эта дистрибуция была "сбита" и создавалось впечатление, что эти три показателя как бы свободно распределялись в тексте. Три указанных характеристики были отмечены во всех анализирувавшихся языках и, возможно, тоже служили неким общебалканским знаком настройки, вызова на контакт.

Третья группа временных характеристик была названа нами структурной. То есть речь идет в данном случае о внутренних структурных соотношениях внутри речевых единиц (напоминаем, что рассматриваются только темпоральные характеристики). И в этом плане интересно было выяснить, есть ли в прочитанных текстах какие-либо ритмические закономерности. В качестве примера применявшегося подхода приведем два графика. На первом из них зафиксированы данные по средней продолжительности звука в каждой из 31 строки румынского стиха "Miorița".

Как видно по графику, в чтении четырех дикторов-румын выявлены только попарные совпадения – кроме строки 10, где все как один демонстрируют высокую скорость (более 120 мсек звук).

Второй график относится к тому же тексту "Миорицы", но отражает продолжительность самих этих строк. Снова, как видно, выделяется эта десятая строка. Приведем ее:

Maří, se vorbirá,...

Очевидно, совпадения носят чисто смысловой характер, поскольку дальнейшее развитие графиков не показывает какой-либо именно ритмической закономерности.

Более ритмически упорядоченным оказался текст сказки. Приведем в качестве примера текст румынской сказки, представленный в виде цепочки длительностей в мсек последовательно идущих речевых единиц (диктор 4, румын): 1020 – 1020 – 1160 – 1260 – 880 – 1340 – 1920 – 1360 – 1180 – 720 – 1280 – 1220 – 1680 – 1060 – 420 – 1160 – 680 – 1410 – 2200 – 700 – 760 – 1260 – 480 – 1760 – 880 – 1260 – 880 – 1560 – 1280 – 1180 – 1540 – 1080 – 2120 – 520 – 860 – 1840 – 1780 – 940 – 700 – 720 – 520 – 700 – 1800 – 920 – 660 – 960 – 420 – 740 – 2000 – 1140 – 1280 – 940 – 740 – 1120 – 1840 – 720 – 1480 – 1280 – 1040 – 940.

Здесь видно как бы три ритмических волны: 1) краткая речевая единица сменяется через один более протяженной; 2) последовательность из 4-5 долгих единиц "перебивается" одной краткой; 3) 4-5 кратких "перебиваются" одной длительной, т.е. 2 и 3 как бы симметричны.

Приведенная выше цепочка начинается с бинарной последовательности 1020 – 1020. На этом явлении мы и хотим далее остановиться. Именно такая бинарная изохрония была отмечена как темпоральная характеристика для всех языков БЯС и на всех уровнях временного параметра.

Выше уже говорилось об отношении примерно 1 : 1 у двух половин стихотворной строки. Можно сказать, что цезура рассекает строку пополам; а можно сказать, что это безусловный случай бинарной изохронии.

Бинарная изохрония отмечалась и на уровне примыкающих речевых единиц (тактов). Например (албанский): *në një tavolinë* – 1200 ms / *në goshe s' paskan ardhur* – 1200 ms; *nuk kishin ndruar* – 960 / *edhe kafeja* – 960; Сербохорватский: *и почну се разговарати* – 1600 мс. / *својим језиком говорети* – 1600 мс.; *околно пожар* – 900 мс. / *и како је чобан* – 900 мс. Болгарский: *рече плахо Янко* – 1120 мс. / *и се притиска до него* – 1120 мс.; *Недей, Стойчо, ще ни видят* – 1360 мс. / *не сме в село да ни видят* – 1360 мс. и под.

Это же явление бинарной изохронии распространяется и на последовательности средней продолжительности звука в примыкающих друг к другу речевых тактах, например, (сербохорватский): *шта се њиме добило* – 70 мс./ *Дали је разумно торећи вечерас* – 70 мс.; *За Бога, синко! Где си* – 75 мс./ *А она му каже све по реду, како је био* – 75 мс. Македонский: *рикал, копал* – 92 мс./ *и се што му препречило* – 92 мс.. Румынский: *răsturnînd iarna cîte un pietroi de bîrloage* – 73 ms./ *spălîndu-î in somn* – 73 ms.

При этом небезынтересно отметить следующую жанровую закономерность: бинарная последовательность речевых единиц в изохронии встречается в основном в сказке, а бинарная последовательность средней длительности звука в речевых единицах представлена в большей степени при чтении художественного текста. О бинарности стихотворной строки мы уже говорили. Таким образом художественный текст подстраивается под изохронную программу более сложным образом, как бы допуская программу усреднения скорости звука в перцепции рецепиента. В дополнение к этому можно заметить также, что "излюбленные" средние продолжительности речевых единиц в гораздо большей степени совпадают по данным всех балканских языков и всех дикторов, чем "излюбленные" средние звуковые скорости. В последнем случае могут обнаруживаться какие-то индивидуальные скорости, которые характерны только для какого-то одного диктора. Для речевых единиц таких индивидуальных величин практически нет. Речевая единица имеет меньше склонности к чисто индивидуальному варьированию. Это заставляет предположить, что время длительности речевых единиц и их набор являются в большей степени изначально заданными, а человек к ним подстраивается со своей индивидуальной скоростью. Хотя мы в начале и оговаривали ту осторожность, с которой нужно относиться к вопросу о диахронической типологии просодических типов, но все же эти последние данные (бинарная изохрония) заставляют предположить, что просодия стиха была как бы первичной (см. эту гипотезу на основании других интонационных показателей в работе Николаева 1979), просодия сказки – следующим, а просодия художественного текста – последним этапом просодической эволюции.

Некоторые закономерности являл собой и конец отрывка: текст сказки во всех языках заканчивался короткой речевой единицей, а художественный текст – длительным отрезком (факты пока никак нами не интерпретированные).

Последняя группа темпоральных характеристик относится также к структурным. Это вопрос о деформации (или сохранности) просодии отдельных слов в пределах текста и входящих в него высказываний. Иначе говоря, это вопрос о силе воздействия фразовой интонации на словесную, что, по нашей концепции, служит показателем грамматикализованности интонационных моделей в данном языке. И здесь нужно сказать, что наименее "балканским" в этом отношении является румынский, в котором слово активно включено в синтагму, обеспечивая слитность речевого такта, что дает большие возможности формирования смысловозначающей интонационной парадигмы. Неслучайно многочисленные работы Ч. Дэскалу по многообразным типам вопроса в румынском демонстрируют четкость различительных признаков для видов румынской интонации. В этом отношении румынский отчетливо принадлежит к романской группе с широко известным почти полным погружением слова в речевой такт – как, например, во французском языке.

В других языках слово деформируется в тексте мало, албанский и новогреческий демонстрируют тенденцию к временной правоориентированности, т.е. к заметному продлению абсолютного конца высказывания. При этом заударный слог может быть равен ударному (подобное явление отмечено для польского языка) или даже превышать ударный по длительности (это в свою очередь отмечалось для украинского языка).

Более всего различия балканских языков по внутреннему устройству темпоральной структуры отмечались для стихотворных отрывков. В настоящей работе мы не будем ставить вопрос о причинах этого различия, а ограничимся лишь констатированием этих различий.

Сербохорватский стих характеризуется членением на отрезки по две–четыре строки. Эти отрезки устроены следующим образом: начало текста монотонно и гласные кратки (независимо от типа акцента), середина более протяженна, а чередование ударных и безударных здесь более очевидно. В конце единицы слоги сильно

растягиваются, т.е. выявляется четкая правоориентированность, но различие между ударными и безударными может сохраняться. Например,

Намера је намери́ла била
На јунака Орловића Павла,
На књежева млада барјактара.

Темпоральные характеристики начала: 100–80–120/ 80/60–60–60–60/ 100–70/ 80–80–90–60/ – *Намера је намери́ла била*; темпоральные характеристики конца: 160–60/70–100–200–70 – *млада барјактара*.

Сербохорватский стих – это классический десетерац. В болгарском стихотворении был представлен другой исконный славянский речитативный размер – восьмисложник (см. о нем Гаспаров, 1989, стр. 20). Отсутствие в болгарском языке тональных акцентов обеспечивает еще оольшее уравнивание по времени ударных гласных независимо от их качества. Более того, происходит выравнивание по времени и ударных, и безударных гласных. Например, *Попали се жомина майка*: 120–120–120–100/ 120–100–80/ 120–80. В целом же членение стиха на речевые единицы так же имеет место, как и в сероохорватском. Так, конец указанного отрывка, *от месеца ѝ два ж гиздава* имеет структуру: 80–160–60–140/80/ 140–80–180–160. Здесь отчетливо видно, как "набирают силу" ударные и одновременно происходит увеличение длительности звуков к концу речевой единицы.

Сходную структуру имеет и македонский стих, например, трехстрочная речевая единица:

Изникнала јабо̀лкница:
на две гранки две ја̀болки,
на трета̀та славеј пее (мы не приводим здесь цепочки цифровых данных для экономии места).

И в албанском стихе, и в новогреческом ("Баллада о мертвом брате"), и в румынском в целом можно говорить о той же модели: от укороченного со сглаженным различием ударных и безударных начала к растянутому концу через более вариативную середину. (Это не является темой данного исследования, но поскольку, в целях большего труда, о котором сообщалось выше, были проанализированы все просодические параметры текста, считаю нужным

упомануть, что акцентные показатели стихотворной строки были как бы диаметрально противоположными: яркое начало и ослабленный конец). Возвращаясь к румынскому стиху, хотим только добавить, что растянутость конца обеспечивалась здесь и сегментными средствами: конечный ударный приходился на слог с дифтонгом – *plai, gai, miei, ciobănei, zavoi, de noi, de voi*; или на слог с легко продлеваемым сонорным – *moldovan, ungiurean vîrîcean*; пенultimate ударение тоже падает на слог с дифтонгом или за пенultimate ударением идет сонант: *se vorbiră, laie*, при этом оба приема могут объединяться: *sfatuiră, soare, omoare, bolnăvioară, mioară*, т.е. и подударный дифтонг, и последующий сонант.

Славянская часть балканского стихотворного материала отличалась некоторой необязательной, но явно просвечивающей тенденцией к квантитативной ямбичности. Например, македонский, *на третата славеј нее* – 60-100-80-100/100-130-200-80 и т.д.

Ямбическая тенденция наблюдается параллельно с указанной выше тенденцией к бинарной изохронии. Очевидно, обе эти линии соответствуют каким-то глубоким процессам просодической диахронии, говорить о которых мы пока не решаемся.

Итак, какие выводы общего характера можно сделать, опираясь только на темпоральные просодические характеристики балканских текстов трех указанных жанров?

Постараемся их сформулировать:

1. Усредненные характеристики наиболее общие – настолько, что говорят об универсальных закономерностях: речевые единицы художественного текста протяженнее единиц сказки. Средняя продолжительность звука больше всего в народном стихе, затем в сказке средняя продолжительность звука больше, чем в тексте.

Специфическим явлением оказалась "бинарная изохрония", отмеченная на многих уровнях, начиная от расчлененной на две части стихотворной строки и кончая длительностью контактных ударных.

2. Абсолютные характеристики продемонстрировали необычное для интонологии явление – наличие "излюбленных" абсолютных показателей: протяженности речевых единиц, длительностей ударных и заударных вплоть до буквального, а не относительного совпаде-

ния. Этот феномен мы объясняли спецификой речевого общения на Балканах: частым контактом с не слишком знающим твой язык соседом.

3. Структурные характеристики в балканских языках характеризовались слабой модификацией слова во фразе (кроме румынского материала); мало ритмизированными рядами речевых единиц (отчасти, может быть, ритм намечался в сказке). Как правило, отрывок из сказки заканчивался коротким отрезком, а отрывок из художественного текста – отрезком протяженным. В стихотворной строке начало оказывалось со сглаженными различиями ударных и безударным и с краткими гласными, середина демонстрировала большие вариативные возможности, к концу происходило резкое увеличение длительности гласных с сохранением различия между ударными и неударными. Для славянских языков Балкан в стихе можно было наблюдать ямбическую тенденцию, не соотносимую с реальной ритмикой входящих в стихотворную строку слов.

Сходство на уровне характеристик первого типа несомненно предсказуемо. Сходство характеристик второго уровня оказалось абсолютно неожиданным. Сходство на уровне характеристик третьего типа, т.е. структурных, продемонстрировало еще не описывавшуюся пока для стиха картину.

Таким образом, объединяющую тенденцию для языков Балкан на темпоральном уровне просодии можно считать явной.

Литература

Гаспаров 1989 – Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М.

Lehiste, Ivić 1980 – Lehiste I., Ivić P. The intonation of Yes-or-No questions – a new Balkanism? // *Balkanistika*, VI.

Николаева 1973 – Николаева Т.М. Смысловое членение текста и его индивидуальные варианты // *Semiotyka i struktura tekstu*. Warszawa.

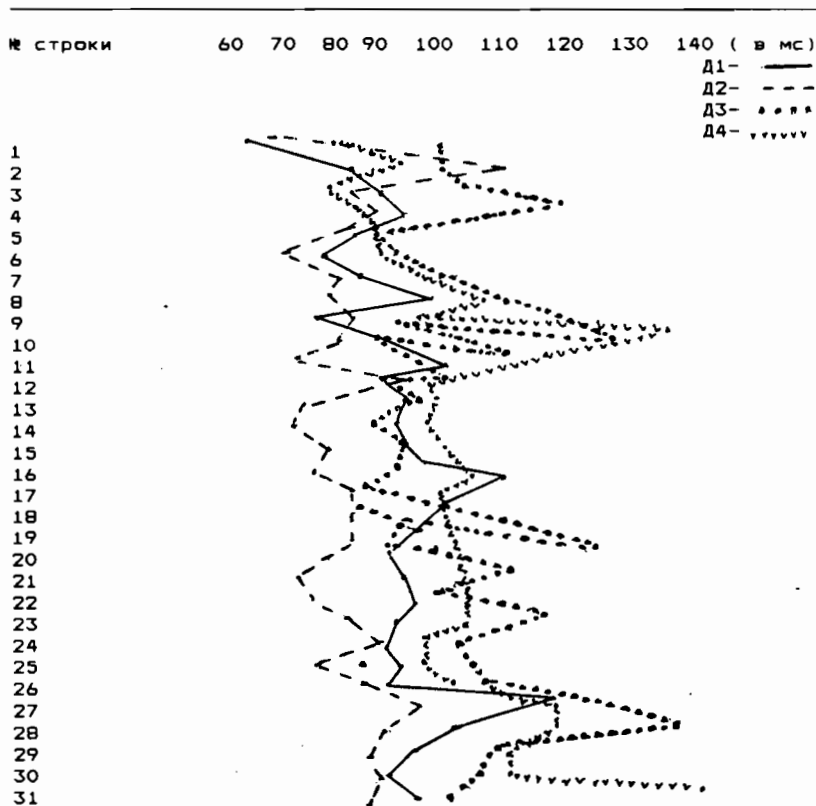
Николаева 1979 – Николаева Т.М. Стихотворная и прозаическая строки: первичное и модифицированное // *Balkanica*. М.

Николаева 1993а – Николаева Т.М. Временные загадки балканской просодии // *Проблемы фонетики* I, М.

Николаева 1993б – Звучание балканского стиха // *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н.И. Толстого, М.

- Николаева 1994* – Время и речевое общение на Балканах // Знаки Балкан. Ч. II.
- Perlin, Sawicka 1991* – Perlin J., Sawicka I. Is there a Mediterranean phonotactic community? // Studies in the phonetic typology of the Slavic languages, Warszawa.
- Розанова 1983* – Розанова И.И. Суперсегментная фонетика// Русская разговорная речь. М.
- Саука 1977* – Саука Л. Интонация в сказке/Фольклор. Поэтическая система. М.
- Sawicka 1986* – Sawicka I. Syllabic structure in Slavic languages // Rocznik slawistyczny, XLV/1.
- Sawicka 1987* – Sawicka I. Struktura sloga u balkanskim jezicima. Wrocław.
- Цивьян 1990* – Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.

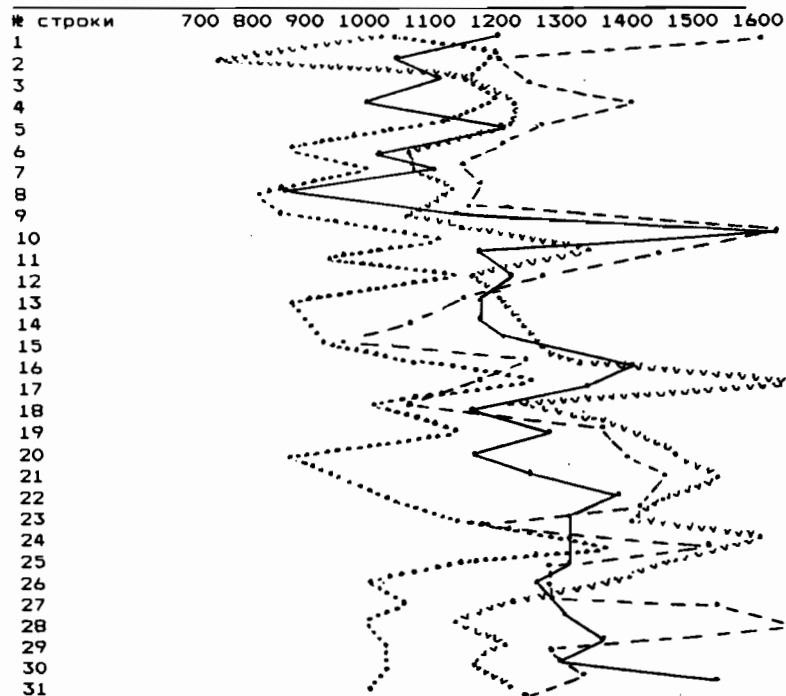
График № 1. Средняя продолжительность звука в строках "Миорицы"

Типичная СД звука: Д1-91 мс; Д2-77 мс; Д4-87 мс.

Пики подъемов (по строкам): Д1- 2, 7, 10, 16, 19, 27, 29, 31; Д2- 2, 12, 27; Д3- 4, 8, 10, 16, 20, 23, 29; Д4- 4, 8, 11, 17.

График № 2. Средняя продолжительность строки в "Миорице"

D1 - — ; D2- - - - ; D3- ; D4- vvvvvv